

*А.Е. СЕРИКОВ*

## СЕМИОТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ДЕЙСТВИЯ

### **Натуралистические и смысловые модели**

Всякая социологическая методология основана на некоторой теоретической модели социальной реальности. Социальная реальность может пониматься как следствие постоянно возобновляемого общественного договора, как система взаимосвязанных социальных фактов; система отношений, производных от определенной деятельности; система функционально взаимосвязанных институтов, как система конструируемых людьми смыслов и т. д. Что значит предложить новый методологический подход? Это значит предложить новую модель, объясняющую нечто такое, что с точки зрения прежних моделей казалось несущественным, либо объяснялось совершенно иначе. Новая модель реальности совсем не обязательно отрицает прежние. Ведь модель — это не реальность, а ее упрощенное видение. Каждый моделирует то, что ему кажется важным и интересным. Тем не менее, те или иные теоретические предпосылки могут радикально противоречить друг другу и, соответственно, новые модели могут не только дополнять прежние, но и отрицать их.

Один из принципиальных вопросов теоретической социологии заключается в том, *почему люди действуют так, а не иначе, и каким образом действия связаны между собой*. Можно предположить, что человеческие действия и их последствия детерминируют другие действия примерно так, как это происходит в природе на уровне физико-химических и биологических процессов. Соответственно, связи между действиями, нормами, институтами можно попытаться моделировать по аналогии с тем, как в естествознании моделируют взаимодействия материальных объектов и процессов. Таковы, например, классические модели позитивистской социологии и Э. Дюркгейма, а также, в известной мере, модели Т. Парсонса и Р. Мертона. Этот тип моделей по-прежнему часто используется социологами-эмпириками или представителями других социально-гуманитарных наук, но в современной теоретической социологии он уже почти не встречается.

Дело в том, что человеческие действия не сталкиваются, обмениваясь энергией, на манер бильярдных шаров или фотонов. Материальные объекты в природе взаимодействуют непосредственно, а между

---

**Сериков Андрей Евгеньевич** — кандидат философских наук, доцент, декан философско-филологического ф-та Самарской гуманитарной академии. Адрес: 443011, Самара, ул. 8-я Радиальная, 6.  
Телефон: (8-927) 262-73-13. Электронная почта: aeserikov@mail.ru

человеческими действиями всегда имеет место посредник, называемый смыслом. Также можно предположить, что смысл — это что-то принципиально иное, чем энергия или материя, а значит, связи между действиями принципиально отличаются от природных. Опираясь на эти предпосылки, мы получаем совершенно другой тип моделей — *смысловые*, примерами которых могут служить теоретические построения М. Вебера и феноменологов или таких более современных авторов, как П. Бурдьё и Н. Луман. Важно отметить, что наличие смысла не отрицает связей как таковых, а исследование смысловых связей не означает отказ от науки и научных критериев.

На вопрос, что такое смысл и как он связывает человеческие действия, можно отвечать по-разному. Соответственно можно построить разные смысловые модели социальной реальности. Я предлагаю на рассмотрение одну из таких моделей. В целом она новая, хотя отдельные идеи, используемые в ней, уже встречались у тех или иных авторов. Я отталкиваюсь от ряда вопросов, которые, как мне кажется, остаются в социологической теории непроясненными. Как происходит взаимодействие? Как соотносятся действия и их смыслы? Как конструируются смыслы? Как появляются новые типы действий и почему в одних случаях изменения происходят медленно, а в других — взрывообразно? Как люди распознают ситуации, в которых действуют, и какую роль играет в распознавании ситуаций бессознательная психика и тело? Существуют ли смысловые процессы, независимые от сознания отдельных субъектов? Если существуют, то как они связаны с индивидуальным сознанием?

#### **Действия и разновидности их смыслов**

Иногда теоретики спорят о том, что лежит в основе общества — действия и взаимодействия или смыслы. Мне кажется, что эти споры лишены серьезного основания. Это как спорить о том, что такое текст — буквы и слова или же их значения. С одной стороны, имеет место последовательность действий и взаимодействий, а с другой — последовательность смыслов. Это две стороны одной медали. Рассматриваемая ниже модель основана на предположении, что *человеческие действия являются знаками смысла других действий и это является основой их взаимосвязи.*

Чтобы прояснить эту мысль, начну с уточнения используемых терминов. *Действие* — это то, что *наблюдается* в качестве такового или самим действующим человеком или со стороны. Это не операция субъекта с материальным или мыслимым предметом, как понимается действие в отечественной деятельностной психологии, и не реализация индивидуального мотива, соотношенного с предполагаемыми мотивами других, как в понимающей социологии. Наблюдаемость действия важна постольку, поскольку оно рассматривается как знак. Я

могу не осознавать своих мотивов, а мотивы других могут быть недоступными, но сами действия в качестве знаков любых скрытых за ними смыслов должны быть заметны. Наблюдаемость действия связана с его локализацией в пространстве и времени, а также с тем, что для его реализации требуется человеческое тело.

Далее следует уточнить, что такое *смысл* действия и различить разные виды его смыслов. Что общего можно обнаружить в самых различных пониманиях термина «смысл», встречающихся в философской и научной литературе? То, что смысл — это всегда *что-то иное*. Мы говорим о смысле знака, всегда уже имея в виду, что это не сам знак, а что-то, к чему знак нас отсылает. Так же обстоит дело со смыслом любой вещи, в том числе — со смыслом действия<sup>1</sup>.

В зависимости от того, к чему вещь нас отсылает, можно говорить о ее различных смыслах. Ж. Делез, рассуждая о смысле предложения, отличает его от таких отношений в предложении, как *денотация, манифестация и сигнификация*. Если бы смысл совпадал с денотацией, он заключался бы в состоянии вещей, о которых говорится в предложении. Если бы смысл совпадал с манифестацией, он бы выражал состояние говорящего «Я». Если бы смысл совпадал с сигнификацией, он заключался бы в универсальной структуре языка, реализующейся через предложение. Но, согласно Ж. Делезу, *смысл — это событие, выражаемое предложением*. При этом смысл не сливается с самим предложением. Предложение выражает смысл предыдущего предложения, которое обязательно должно иметь место, ведь всякое высказывание предполагает смысл. Без этого предположения речь не могла бы начаться. «Иными словами, — пишет Ж. Делез, — говоря нечто, я в то же время никогда не проговариваю смысл того, о чем идет речь. Но с другой стороны, я всегда могу сделать смысл того, о чем говорю, объектом следующего предложения, смысл которого я, в свою очередь, при этом тоже не проговариваю» [7, с. 49].

На мой взгляд, Ж. Делез отличает смысл от денотации, манифестации и сигнификации именно потому, что другие авторы говорят о *смысле-денотации, смысле-манифестации и смысле-сигнификации*. Существование *смысла-события* и представление о нем не отменяют других смысловых аспектов предложения. Событие существует наряду с денотацией, манифестацией и сигнификацией. Ж. Делез лишь различает новый аспект, делая исследование предложения более полным и интересным. Подход Ж. Делеза можно *реализовать и в исследовании*

<sup>1</sup> Поскольку объем статьи ограничен, я оставляю в стороне дискуссию о соотношении терминов «смысл», «значение», «намерение», «информация». «Смысл» и «значение» далее будут использоваться как синонимы, а «намерение» и «информация» пониматься как некоторые из возможных аспектов смысла.

*действия, обнаружив в нем аналоги всех тех смыслов, которые имеют место в предложении.*

Исходя из того, что действие обладает множеством смыслов, попробую их описать, опираясь на схему Ж. Делеза и различные концепции действия, существующие в литературе. Например, в марксизме смысл действия выявляется через ответ на вопрос, что производится в действии. Практика понимается как производство и воспроизводство. Смысл всякого действия двойственен: в нем реализуется, с одной стороны, потребительская, а с другой стороны, меновая стоимость. Смысл реализации потребительской стоимости в терминах Ж. Делеза можно было бы назвать манифестацией, а смысл реализации меновой стоимости — денотацией, так как он соотносится с представлением об объективной реальности.

Смыслом-манифестацией можно назвать тот смысл действия, о котором преимущественно идет речь в понимающей социологии М. Вебера. С его точки зрения, смысл действия осознается индивидом и именно в этом качестве реализуется. У М. Вебера, как затем у символических интеракционистов, индивид понимается в качестве субъекта действия. Смысл действия в интеракционизме — это то значение, которое сформировано субъектом и стоит за символами, опосредующими взаимодействие и совместное конструирование реальности. Похожим образом действие понимается и в экзистенциально-феноменологической традиции. Экстернализация, которая, согласно П. Бергеру и Т. Лукману, лежит в основе институционализации, — это вынесение вовне сознательных смыслов [1, с. 88–89]. По мысли этих теоретиков, именно смыслы сознания, существующие на дискурсивном уровне, лежат в основе социального конструирования реальности.

В функционалистских теориях смысл действия определяется его ролью в социальной системе (у Т. Парсонса), либо интерпретируется в терминах наблюдаемых последствий (у Р. Мертона). То есть речь идет о смысле-денотации, который увязывается с социальными функциями, а для действующего индивида он в значительной мере бессознателен, латентен, либо малозначим. Например, индивидуальный смысл действий, направленных на создание семьи, может быть связан с чувством романтической любви, а с функционалистской точки зрения в них реализуются репродуктивная, статусная, экономическая и прочие функции, без которых не смогла бы существовать социальная система. В структурализме К. Леви-Строса смысл действия также лежит по ту сторону индивидуального сознания и может быть выявлен как универсальный код, как модель, которая реализуется в данном действии. Чтобы описать этот код, ученый-структуралист соотносит между собой все действия, возможные в анализируемых культурах, и в данном случае речь идет уже о смысле-сигнификации.

Возможна и событийная интерпретация смысла действия. Рассмотрим это на примере практического смысла в теории П. Бурдьё. С его точки зрения, практика — это ряд последовательных действий, совершаемых в конкретных ситуациях. Практический смысл действий не определяется ни через сознательные намерения индивида, ни через неосознанные объективные факторы и последствия. Поэтому его нельзя описать ни как манифестацию, ни как денотацию. Смысл каждого действия, согласно П. Бурдьё, задается какими-либо различиями, реализуемыми в этом действии, но в конкретном действии не могут быть реализованы все различия одновременно. Поэтому смысл действия не может быть и смыслом-сигнификацией.

Практический смысл действия нельзя описать, игнорируя темпоральную связанность отдельных событий. Например, матримониальная сделка в кабийском племени должна пониматься антропологом не как самостоятельное событие, но обязательно «как *момент в ряду* матримониальных и символических обменов, поскольку экономический и символический капитал, который семья может вложить при заключении брака в одного из своих детей, в большой мере зависит от ранга, занимаемого этим обменом в совокупности браков детей данной семьи, а также от общего итога этих обменов» [2, с. 304]. Всякое практическое действие (как заключение брака в данном случае) связано со смыслом предшествующих ему действий. Оно включено в историю игры на данном социальном поле и раскрывает ее смысл. И не просто раскрывает его как нечто уже существующее, но конструирует. Только конструирование это не теоретическое, а практическое. Скажем, отказ от дара может быть интерпретирован в последующих действиях либо как презрение к дарящему, либо как неспособность к ответному дару. Таким образом, практический смысл у П. Бурдьё может быть понят как событие, выражаемое непредсказуемым и необратимым действием. При этом смысл действия выражается не самим этим действием, а последующими.

Другой пример событийной интерпретации смысла — теория Н. Лумана. Он описывает социальную реальность как систему последовательных событий-коммуникаций, которые являются и элементами, и операциями системы. Коммуникация определяется Н. Луманом как единство различия сообщения, информации и понимания. Хотя с формально-теоретической точки зрения, согласно Н. Луману, коммуницируют не люди, а коммуникации между собой, наблюдаем мы не их непосредственно, а человеческие действия, благодаря которым они осуществляются. Поэтому коммуникации можно понять как *особый смысловой аспект действий*. Смысл действия в качестве носителя коммуникации ориентирован на другие коммуникации, но при этом он воспринимается и самим действующим индивидом. Поэтому и понимание как аспект коммуникации, и ее успех описываются

Н. Луманом в терминах индивидуального понимания, восприятия и поведения.

Коммуникации — это операции, которые трансформируют одни различия в другие. Между ними осуществляется смысловая связь. Смысл события понимается как присутствие его нереализованных возможностей, образующих фон, «он настойчиво рекомендует определенные возможности присоединения, (временно) исключая другие возможности как невероятные, затруднительные либо отдаленные» [12, с. 100]. То есть смысл предполагает информацию, которая как раз и является «различием между тем, что могло бы быть, и тем, что происходит или сообщается» [11, с. 29]. При этом если одно и то же различие повторяется несколько раз, оно перестает быть информацией, но смысла не теряет. Коммуникация имеет смысл потому, что могла быть иной, а следовательно, к ней могли бы подключиться совсем не те коммуникации, что реально подключатся в будущем. Другими словами, смысл данной коммуникации заключается в ограничении области подсоединяющихся к ней коммуникаций, т. е. раскрывается в последующих коммуникациях.

В предлагаемой мной модели понимание событийного смысла действия опирается на понимание практического смысла у П. Бурдье и смысла коммуникации у Н. Лумана. Общим для этих концепций является указание на смысловую преемственность действий (коммуникаций), их необратимость и непредсказуемость. У Н. Лумана речь идет о коммуникациях, смысловая преемственность которых не привязана к индивидам. Индивиды рассматриваются лишь как среда (носители, реализаторы) коммуникаций. Мне эта идея кажется чрезвычайно продуктивной, однако я не могу согласиться, что реализация коммуникаций осуществляется без вовлечения тела и телесных смыслов, на чем настаивает ее автор. П. Бурдье, со своей стороны, настаивая на телесности практического смысла, почти не обращает внимания на надындивидуальность событийных связей.

Итак, во-первых, есть индивиды, их психика и те смыслы-манифестации, которые они вкладывают в свои действия, в том числе в речевые и другие коммуникативные акты. Во-вторых, слова и другие знаки имеют денотативные смыслы, указывающие на соответствующие вещи и процессы. В-третьих, знаки обладают сигнификативным смыслом, производным от их места в относительно устойчивой системе других знаков. И наконец, если существует некоторая последовательность появления знаков, каждый вновь появляющийся знак может выражать событийный смысл предшествующих. Событие в данном контексте — это локализованное в пространстве и времени рождение смысла, которое наблюдается постольку, поскольку выражается в появлении некоторого знака. Например, высказывание может выражать смысл предшествующих высказываний, а для выражения

его смысла потребуются новые. Если этот пример обобщить, можно сказать, что *действие выражает событийный смысл предшествующих действий*. Событие такого смысла назовем *социальным событием*. Социальные события понимаются как такие смыслы действий, которые не просто выражают субъективные интенции деятеля, но связывают действия в единую цепочку и извлекаются из смыслов предыдущих действий. То есть предполагается, что смыслы, а значит и действия — как их знаки, могут определяться какой-то собственной логикой, не всегда совпадающей с логикой действующих индивидов.

Подавляющее большинство социологов сводят смысл к осознаваемым мотивам, ценностям и установкам. Я полагаю, что это неверно, смысл не сводится к осознаваемым манифестациям. Одновременно имеют место несколько взаимосвязанных, но не совпадающих друг с другом реальностей: индивидуальные сознания и представленные в них смыслы-манифестации; действия-знаки; денотативные смыслы; сигнификативные смыслы; событийные смыслы. Когда человек действует, его *действие оказывается знаком всех разновидностей смысла одновременно*. При этом наличие вкладываемой в действие сознательной интенции не противоречит тому, что это же действие воспроизводит недоступную индивиду логика развития социальных событий.

Неоднократно высказанная мысль, что язык говорит через нас, сохраняет свое значение. Обобщив эту идею, можно сказать, что не только язык, но и *социально-культурные смыслы в целом развиваются в какой-то своей, не вполне осознаваемой людьми реальности*. Навивно считать, что мы в качестве абсолютно свободных классических субъектов создаем из ничего и полностью контролируем все, что говорим и делаем. Но нельзя и говорить, что автор в нас погиб. Вряд ли мы существуем только в качестве марионеток культуры и винтиков социальных систем. Истина, скорее всего, где-то посередине. Видимо, *общество и культура — с одной стороны, а индивиды — с другой, образуют нечто наподобие симбиоза*. Понять, *каким образом устроен это «симбиоз»* — одна из важнейших задач фундаментальной социальной теории.

#### **Действия как следы**

Простейшая схема событийной смысловой связи действий может выглядеть так: действие означающее отсылает к действию означаемому, которое является означающим для третьего действия, а оно — означающим для следующего, и т. д. Должна ли подобная схема опираться на представление, что в конце любых смысловых цепочек существуют означаемые, которые сами уже не являются означающими? В своей модели я опираюсь на идеи Ж. Дерриды, поставившего под сомнение существование абсолютных смыслов или, как он их называет, трансцендентальных означаемых.

Ж. Деррида обнаруживает противоречие между тезисами Ф. де Соссюра о произвольности знака и вторичности письма. Знак у последнего произволен, или немотивирован, поскольку форма означающего никак не связана с означаемым смыслом и могла бы быть совсем иной. При этом письмо рассматривается им в качестве вторичного образа языка, понимаемого как система изначальных смысловых различий. Ж. Деррида обращает внимание на невозможность считать письмо образом языка и при этом видеть в нем отличную от языка, произвольную по отношению к нему систему знаков. Опираясь на одну из идей Ф. де Соссюра и переосмысливая ее, он выступает против другой его идеи. Ж. Деррида понимает *знак как след*. Всякое означаемое «изначально и по сути своей... является следом и *всегда уже находится в положении означающего*» [8, с. 203]. След — это нечто записанное, независимо от способа записи. Это может быть графика, речь, музыка, живопись, скульптура, танец, любое различающее действие, движение, а также мысль. Все — письмо, поскольку у всего есть означаемое. Мысль — письмо, так как за ней скрыта другая мысль, любой опыт — это письмо, так как за ним скрыт другой опыт. След — это то, что дано, но не самождественное и очевидное, а уходящее, разорванное, требующее бесконечной интерпретации. «Установленный след “немотивирован”, но и не вполне произволен» [8, с. 167]. Если бы не было мотивации вообще, то не было бы и смысла. *Смысл — это связь (мотивация) немотивированных знаков-следов.*

Я предлагаю понимать действия как следы, отсылающие к действиям-следам. То есть в рамках моей модели предполагается, что для всякого действия найдутся другие действия, предшествующие ему и связанные с ним по смыслу. Поскольку смысл действия понимается как отсылка к смыслам других действий, постольку трансцендентальные обозначаемые, даже если бы существовали, были бы бессмысленными по определению. Смыслы, которые понимаются как события, *не могут иметь трансцендентальных означаемых.*

Проблема существования трансцендентальных означаемых имеет прямое отношение к вопросу, как возможна коммуникация, и следовательно, к вопросу, как возможно общество. Все классические для социальной теории модели — религиозно-реалистическая, марксистская, функционалистская, структуралистская, феноменологическая — явно или неявно исходят из существования трансцендентальных означаемых. Согласно теоретическим подходам К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Т. Парсонса, А. Шюца, К. Леви-Строса и их последователей, люди могут понимать друг друга и действовать совместно потому, что существуют общие для них бессознательные структуры, социальные факты, культурные ценности, символы и правила, идеальные типы и т. д. Вопрос, как возможны коммуникация и взаимодействие, у некоторых авторов формулируется явным образом,



но получает какой-то уж слишком простой ответ. Коммуникация возможна потому, что люди говорят на едином языке и принадлежат к общей культуре; кто-то принадлежит нескольким культурам и поэтому возможен перевод; глубинные структуры культур и языков имеют много общего. Такой ответ не объясняет, почему в повседневной коммуникации постоянно возникают факты непонимания, превратного истолкования, неожиданного изменения смысла, рождения новых идей. Такой ответ не объясняет также, как возможна передача новой информации, ведь говорящие на разных языках не поймут друг друга, а говорящие на одном языке не смогут сообщить ничего нового. В общем, как справедливо замечает Ж. Деррида, о трансцендентальных означаемых можно говорить лишь в случае замкнутых смысловых систем. Но социальная реальность не является таковой. Модель социальной реальности должна объяснять, каким образом порождаются новые смыслы, следовательно, она не должна допускать существования трансцендентальных означаемых.

Если бы действия в качестве знаков смысла не были мотивированы, действия и смыслы не были бы взаимосвязаны. Социальная теория в этой ситуации была бы невозможна. Но в жизни все иначе: мы осмысливаем действия и действуем, исходя из смыслов. Однако если бы действия в качестве знаков были полностью мотивированы, это означало бы жесткое соответствие между действием и его смыслом, то есть между действием и событием. Теория, исходящая из такого понимания, фактически отказалась бы от события в пользу физически детерминированного действия, то есть от моделирования смысловой сферы. Поэтому *при построении модели следует исходить из таких понятий знака и смысла, которые предполагают частичную, но не полную мотивацию знака.*

Итак, я исхожу из того, что знаки всегда в какой-то степени мотивированы смыслом, поэтому изменение знаков приводит к изменению смыслов, и наоборот. Смыслы преобразуются, комбинируются, перекомбинируются — и, соответственно, то же происходит с вещами и процессами, поскольку в качестве знаков они связаны со смыслами. Знаки, в том числе действия, комбинируются и рекомбинируются по логике смыслов. А «машинами», которые осуществляют эту рекомбинацию, являются человеческие тела и человеческая психика. Люди производят действия, они извлекают из действий смысл и они же выражают этот смысл новыми действиями.

#### **Конечность событийных смыслов и опыт тела**

Будем считать, что первоначальных событий не существует. Действительно, ни один человек никогда их не видел. У каждого наблюдаемого события есть прообразы. Если что-то наблюдается, оно уже как-то понято в терминах, использованных для трактовки того, что наблюдалось ранее. Не было бы никаких смысловых прецедентов, не

было бы и наблюдения, а значит, и события. Но следует ли из этого, что действующий индивид может удержать в памяти всю бесконечную цепочку смысловых отсылок? Нет, ведь актуальная память человека ограничена, и поэтому смысл его действия отсылает лишь к некоторым из предшествующих событий. А могут ли смысловые отсылки существовать вообще вне человека? Тоже нет, ведь смыслы существуют в человеческом мире и для людей. Поэтому событийная модель должна быть сконструирована так, чтобы *совместить бесконечность взаимосвязанных по смыслу событий с конечностью каждого конкретного смысла*. Если смыслы — это следы, то они подобны следам на песке, которые слизывает морской прибой.

В западной социологии науки существует так называемая концепция финитизма, или концепция конечности значений (*meaning finitism conception*), впервые сформулированная британцами Б. Барнсом и Д. Блуrom [6]. Их базовая идея заключается в том, что *понятия не имеют изначально присущего им фиксированного значения и употребляются в практической ситуации только на основе знания о том, как они использовались в ограниченном, конечном числе прошлых ситуаций*. Использованию понятий мы учимся, явно или неявно подражая другим и самим себе. Когда человек употребляет понятие, он делает это примерно так же, как уже делал он сам или кто-то другой прежде. И для всякого конкретного употребления понятия в принципе можно описать конечное множество ситуаций, в которых это понятие как-то практически интерпретировалось.

Основной источник концепции конечности значений — идея Л. Витгенштейна, согласно которой смысл знака заключается в его практическом использовании в рамках данной языковой игры [3, с. 80–83]. Л. Витгенштейн не поясняет, идет ли речь о единичном или бесконечном употреблении знака. Соответственно, возможны различные истолкования. Например, П. Бурдые тоже опирается на идею Л. Витгенштейна, так как смысл действия описывается в терминах практических результатов, достигаемых в социальной игре. И, скорее всего, П. Бурдые имеет в виду смысл, порождаемый единичным действием. А согласно интерпретации Б. Барнса и Д. Блура, смысл знака — в конечном множестве употреблений.

Очевидно, что методологически данная концепция связана с отказом от трансцендентальных означаемых. При этом она эмпирически точно описывает ограниченность актуальной человеческой памяти, используемой в той или иной конкретной ситуации. Действительно, практический смысл слов зависит от прецедентов (образцов) их употребления. Смысл формируется различиями, а они связаны с контекстом, значительная часть которого состоит из таких прецедентов. Например, кто такая «родная сестра»? Лично для меня это, во-первых, родственница, а не чужая женщина, а во-вторых — родственница,

отличная от других: не мать, жена, кузина и пр. Большинство значимых для меня прецедентов употребления данного понятия связаны именно с такими различиями. Ни в моей собственной жизни, ни в жизни моих друзей не играло существенной роли, например, различие между родной и сводной сестрой. Но для кого-то с другим опытом взаимоотношений в семье «родная сестра» — это «та, которая не сводная». Важно то, что в каждом конкретном случае словоупотребления работают не все различия, возможные в данном языке, а лишь некоторые из них. При этом их выбор не является полностью произвольным, так как связан с опытом конкретного человека.

Концепция конечности значений появилась как один из вариантов решения проблемы референции. Суть проблемы — в вопросе, существуют ли материальные референты понятий. С точки зрения Б. Барнса и Д. Блура, у абстрактных понятий действительно существуют материальные референты, а именно конкретные действия, в которых эти понятия употреблялись. Вопрос об использовании понятий тесно связан с вопросом, как мы применяем правила. Это еще один аспект проблемы референции и еще одна дискуссия, также основанная на интерпретации идей позднего Л. Витгенштейна<sup>2</sup>. Начало дискуссии положил С. Крипке [9]. Он, в частности, придумал следующий пример. Допустим, кто-то считает, что  $57+68=125$ . Это правильный ответ, но только в том случае, если следовать правилам сложения (addition). Представим также, что существует операция *квожения* (quaddition), которая совпадает с операцией сложения, если каждое из слагаемых меньше 57, но дающая результат, равный 5, если хотя бы одно из слагаемых больше либо равно 57. Пусть знак «+» (плюс) обозначает операцию сложения, а знак «\$» (квус) обозначает операцию квожения. Тогда  $57\$68=5$ . Возникает вопрос, откуда мы знаем, какую именно операцию применяем, если до какого-то момента имеем дело с числами, меньшими 57. Может быть, мы просто используем знак «+» вместо знака «\$», и тогда  $57+68=5$ ? С. Крипке считает, что не существует материальных референтов (фактов), опираясь на которые мы могли бы однозначно решить этот вопрос. Д. Блур уточняет позицию С. Крипке и предлагает ответ в рамках концепции конечности значений. Согласно Д. Блуру, референтами правила являются социальные факты его использования. Тот, кто применяет правило, делает это в соответствии с конечным множеством образцов применения данного правила в прошлом.

Несмотря на различие в позициях С. Крипке и Д. Блура, оба отрицают существование абсолютных значений правил, которые были бы независимы от их практического употребления. Другими словами, оба автора считают, что у правил нет трансцендентальных означаемых, а

<sup>2</sup> См. обзоры этой дискуссии в [20], [4], [16].

формулы правил не детерминируют сами по себе их применение. Наоборот, практическое применение может привести к переформулировке правил. Тем не менее, правила существуют, и в рамках той или иной языковой игры они соотносятся с семействами родственных действий, подобных, но не тождественных друг другу.

Мне эта идея кажется довольно интересной. Если пример С. Крипке модифицировать, он поможет понять, каким образом в практике повседневной жизни люди наделяют привычные операции новым смыслом (или соотносят со старыми названиями новые действия). Например, кто-то следует правилам «всегда платить налоги» и «не изменять супругу», а затем переходит к правилам «всегда платить налоги, если они справедливы» и «не изменять супругу, которого любишь». Практический смысл действий становится другим, но человек может пребывать в уверенности, что изменились не правила, а только фактические обстоятельства.

*Использование понятий, высказываний и правил — это частные случаи действий вообще. Соответственно, если обобщить концепцию конечности значений, ее можно применить к описанию смысла действия. Согласно такому обобщению, событийный смысл любого действия будет отсылать к конечному числу других действий, данных человеку в его опыте.*

Идея конечности опыта, т. е. конечности множества прецедентов, из которых каждый раз в ходе действия извлекается смысл, важна для понимания того, как возможны социальные изменения. Если действия возникают не на пустом месте, но связаны по смыслу с другими действиями, изменения возможны лишь вследствие семантической девиации, т. е. как изменения значения вроде бы одних и тех же действий-знаков. Например, когда в очень похожих ситуациях люди действуют по-разному, или когда одни и те же действия имеют различные социальные результаты в виде ответных действий. Конечность множества прецедентов, на которое опирается действие, объясняет возможность семантической девиации.

Если бы смысл действия опирался лишь на один прецедент, он мог бы вытекать или из тождества, или из отличия. Тождество привело бы к невозможности изменения, а отличие — к отсутствию преемственности. Если бы смысл действия опирался на бесконечное множество прецедентов, изменение чисто теоретически было бы возможно, но такое незначительное, что на эмпирическом уровне оно не было бы заметно. Но если событие опирается на конечное множество предшествующих ему образцов, это объясняет и преемственность смысла, и его изменение. Причем изменение иногда незначительное, а иногда радикальное.

При этом можно предположить, что *тело в целом*, а не только сознание, распознает образцы действия и извлекает из них смысл. Соответственно, множество прецедентов действия формируется на

основе телесной значимости того или иного события. Запоминаются и инкорпорируются прежде всего эмоционально насыщенные события. Смысл понятия, высказывания или действия человек может знать либо из собственного опыта, либо из чужого рассказа (книги, спектакля, кинофильма, рекламы). Образец поведения, усвоенный на практике или описанный в талантливом и увлекательном произведении, имеет на порядок больше шансов стать прецедентом действия, чем образец из скучной книги. Рассказ близкого человека воспринимается как более значимый, чем история постороннего. Значения иностранных слов, усвоенные в ходе живого общения или чтения детективов, значительно быстрее приходят в голову, чем те, что были почерпнуты из учебников и словарей.

### Рекурсивное извлечение смысла

Итак, действующий человек каким-то образом извлекает смысл из множества прецедентов той ситуации, в которой происходит действие. Трудно без специальных исследований решить, на какое количество образцов он каждый раз опирается, но временно допустим, что в среднем оно равно семи<sup>3</sup>. Тогда можно выстроить следующую схему. Событие *H* опирается на события *ABCDEFG*, событие *I* — на события *BCDEFGH*, событие *J* — на события *CDEFGHI*, и т. д. Если новые события входят во множество образцов, а количество образцов должно быть конечным, указанное множество будет постоянно обновляться. Следовательно, даже если извлечение смысла связано с повторяющимся (рекурсивным) применением одной и той же операции, каждый смысл *будет отличаться от предыдущего*. Степень же смысловой преемственности будет зависеть от того, какая конкретная операция применяется для извлечения смысла.

Более близкая к наблюдаемой реальности схема должна учитывать, что прецеденты какого-либо события могут иметь разные, не связанные между собой множества образцов. Скажем, событие *H* имеет множество образцов *ABCDEFG*, в котором *A* опирается на множество *IJKLMNOP*, событие *B* опирается на множество *PQRSTUVWXYZ*, и т. д. Согласно такой схеме, каждый прецедент события укоренен в собственном контексте, и *новый смысл возникает вследствие пересечения этих контекстов*.

В качестве примера можно рассмотреть научные статьи. Каждая статья имеет конечное множество источников, на которые явно или неявно ссылается автор. Статья — это событие, извлекающее смысл из множества источников. Каждый источник, в свою очередь, извлекает

<sup>3</sup> Как утверждают психологи, это «чудесное» число примерно соответствует количеству объектов, которые средний человек может удерживать в своем внимании.

смысл из другого множества, и т. д. Новый смысл здесь возникает в результате встречи нескольких текстов, смысловые элементы которых начинают взаимодействовать друг с другом.

Получается, что всякий смысл, будучи элементарным событием, тем не менее отсылает к множеству предшествующих ему смысловых элементов. С одной стороны, он имеет четкие эмпирически фиксируемые границы, с другой стороны, он встроен в бесконечную сеть предшествующих событий. *Элементы смысла не появляются из ничего.* Они являются концептами или понятиями, получившими собственное наименование и потому воспринимаемыми как нечто отдельное. Но каждый из них имеет собственную историю и возникает как оригинальная комбинация прежде существовавших элементов, которая значительно отличается от других комбинаций и играет существенную роль в дальнейшем возникновении смыслов.

Важной чертой описываемой модели является *дискретность*: каждое событие четко отличается от другого, и смыслы изменяются не непрерывно, а от события к событию. Природные дискретные процессы математически часто моделируются отображениями, т. е. уравнениями, в которых очередные дискретные значения параметра зависят от его предшествующих значений, являются результатом их рекурсивного преобразования [19, р. 15]. Свойством таких математических моделей является возможность непредсказуемого взрывного изменения значения моделируемого параметра, хотя в основе этого лежат относительно простые преобразования предшествующих значений. То же самое должно наблюдаться при аналогичном моделировании значений слов, выражений, жестов, действий вообще: *последовательные смыслы действий можно представить в виде результатов рекурсивного применения к множеству их образцов некоторой относительно простой операции.*

### **Образцы как основа смысловых инноваций**

Отдельный вопрос заключается в том, какие конкретно способы (операции) извлечения смысла из множества прецедентов должны быть заложены в модели. Простейший, но не обязательно наиболее адекватный, вариант состоит в предположении, что к множеству образцов применяется операция обобщения. Причем не формально-логическое правило, а *практическое обобщение*, когда человек воспроизводит то общее, что на уровне его практического телесного опыта содержится во множестве прецедентов действия.

Практическое обобщение можно понять как подражание и действие по привычке. Тогда модель будет основана на том, что в обычных ситуациях люди действуют привычным образом, а когда ситуации не узнаются, действия направляются на выяснение типа ситуации и приведение ее к норме. Кроме того, привычный подход к любому

делу заключается в том, чтобы его завершить, что предполагает типичную последовательность привычных поэтапных действий<sup>4</sup>. При этом следует помнить, что по привычке можно не только действовать в узком смысле этого слова, но и мыслить. Кроме того, под привычкой должно пониматься практическое обобщение человеком смыслов не только своих собственных действий, но и действий других людей.

Фактически модель при этом строится на представлении, что социальная реальность — это система событий, возникающих в результате пересечения смыслов привычных актов. Тем самым исключается представление о человеческой свободе как способности творить новое, *не отираясь* на какие-либо образцы. Новое, согласно модели, возникает как модификация множеств смысловых элементов, встречавшихся ранее в иных контекстах.

Чтобы показать, в какой мере новое является результатом неожиданного сочетания элементов уже существующего, сошлюсь на идеи Ю.М. Лотмана. Под созданием новой информации он понимает создание текстов, обладающих определенной степенью непредсказуемости и не выводимых из уже имеющихся текстов по заданным алгоритмам. Новым не будет текст T2, полученный при переводе текста T1 на другой язык, если при обратном переводе опять получим T1.

Новый смысл, согласно Ю.М. Лотману, рождается при творческом *переводе непереводаемого*. Это может быть художественный перевод стихотворения, экранизация романа или просто понимание одного человека другим, когда опыт и язык этих людей пересекаются лишь частично. Другие механизмы образования смысла — это *риторические фигуры (тропы)* и *автокоммуникация*. Общим для этих механизмов является применение к тексту нового для него кода, помещение текста в новый контекст. Интеллект, согласно Ю.М. Лотману, — это всегда собеседник. Чтобы мыслить, мыслящая структура с необходимостью должна «получить начальный импульс от другой мыслящей структуры», а текстогенерирующие механизмы — «получить в качестве пускового механизма некий текст извне» [10, с. 4].

Аналогичную концепцию, но уже применительно к науке, развивает М.А. Розов. Коренные новации в науке, считает он, появляются *в результате комбинирования традиций различных наук*. Простейший

<sup>4</sup> Можно по неопытности совершить какое-либо действие, не подозревая, что в новом контексте оно будет воспринято окружающими как начальный этап смысловой цепочки. Личная неосведомленность действующего не отменяет смысловых взаимосвязей, и дальнейшие события часто развиваются в соответствии со схемами: «Незнание закона не освобождает от ответственности», «Сказал А, говори Б», «Чай пил — теперь женись» и т. п.

пример такого «монтажа» — переход из одной науки в другую ученого, который приносит с собой методы и навыки, обычные для одной науки, но неизвестные в другой. Однако монтаж возможен и в чистом виде, без подобных переходов. «Как правило, в поле зрения ученого имеется большое количество методов, большое количество образцов исследовательской деятельности, и он имеет возможность их выбирать и различным образом комбинировать» [14, с. 122].

При этом существенно то, что научные традиции во многом существуют на уровне практического неявного знания и передаются путем так называемых *социальных эстафет*, т. е. непосредственной демонстрации образцов деятельности. Социальные эстафеты «не существуют сами по себе, но только в определенном контексте. Поэтому смена контекста всегда вызывает и изменение содержания образцов. Но, с другой стороны, такая смена неизбежна, она постоянно имеет место. Строго говоря, каждый акт реализации существующих образцов порождает новые образцы, а следовательно, и смену контекста» [14, с. 138].

Передача и комбинация научных традиций, согласно М.А. Розову, как и перевод непереводаемого, по Ю.М. Лотману, осуществляются без каких-либо исчерпывающих вербальных описаний того, как это происходит. Есть некие тексты или образцы «на входе» и некие тексты или действия «на выходе». Внутри — «черный ящик» неосознаваемых смысловых механизмов. Опираются ли они в своем творчестве на ничто — вопрос дискуссионный. Но даже если опираются, они не творят из ничего в полном смысле этого слова. Потому что материал образцов все равно используется.

### **Практическая метафора и метонимия**

Идею Ю.М. Лотмана, согласно которой тропы являются источниками новых смыслов, можно использовать как основу для более детального описания гипотетических механизмов извлечения смысла из прецедентов действия. Я выдвигаю гипотезу, что смыслы действия в основном генерируются путем переноса значений, т. е. механизмами *метафоры и метонимии, в наиболее широком смысле этих терминов.*

Особая значимость метафоры и метонимии среди других тропов и их особая роль в образовании новых смыслов не вызывает сомнения. Они встречаются во всех классификациях тропов, о них написано наибольшее количество научных работ, их механизмы можно более или менее четко различить. И метафору, и метонимию обычно понимают как употребление слова или словосочетания в переносном значении, т. е. как перенос знака с одного значения на другое. *В случае метафоры перенос осуществляется на основе сходства значений (говор волн, пузатый чайник, море слез, стена дождя и т. п.). В случае метонимии перенос осуществляется на основе смежности в*



пространстве, времени, причинно-следственной либо логической последовательности, когда названия отдельных элементов вещи или ситуации переносятся на соседние элементы, на вещь или ситуацию в целом, либо названия целого экстраполируются на отдельные элементы (*зал аплодировал, первая скрипка, поставили Чехова* и т. п.).

Перенос слова или словосочетания с одного значения на другое — это, по сути, *замена одного знака другим*, переносимым. При этом переносится не только означающее, но и значение, в результате чего рождается новый смысл высказывания. Возьмем типичный случай метонимии, когда вместо «в лесу поют птицы» говорят «лес поет». Здесь «лес» первоначально замещает только «птиц», но возникает образ леса как целостного живого организма и создается ощущение, что в нем поют все: и трава, и деревья, и другие животные. Другой пример — распространенная метафора «время — деньги». Имея ее в виду, мы можем рассуждать о времени так, как если бы оно действительно было деньгами, т. е. меняя не только знак, но и сущностное понимание того, что происходит: «Ваша ошибка *стоила* мне двух часов работы».

Механизмы переноса и замещения играют ключевую роль во взаимопонимании людей, а также в изменении значений слов и устойчивых словосочетаний естественного языка. Эксперименты Г. Гарфинкеля [5, с. 52–55] доказывают, что одним из условий нормального взаимодействия является запрет на слишком подробное уточнение контекста и смысла высказываний. Неявно мы исходим из того, что существуют вещи, фразы, ситуации, понятные каждому. Тех, кто пытается уточнять их значения, мы воспринимаем как зануд или ненормальных. Слушающий почти никогда не интерпретирует слова говорящего однозначно. Скорее, он выдвигает альтернативные гипотезы и ожидает развития ситуации, чтобы подтвердилась одна из них. Поэтому мы просто вынуждены постоянно ориентироваться на всё доступное нам множество значений употребляемого знака. Перенос значений и замена одних знаков на другие является, таким образом, естественным механизмом повседневного общения.

Ситуациям, вещам, явлениям соответствует не один какой-либо знак, но всегда множество взаимозаменяемых знаков, которые отсылают друг к другу подобно цитатам. При этом менее удачные цитаты выбывают из обращения, так как множества образцов включают в себя лишь те, что находятся в активном употреблении. Приведу пример реально существующего множества образцов заголовка литературных произведений: «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого → «*Duress*. Повесть о ненастоящем человеке» С. Минаева → «(*Empire-V*) Амфир-В. Повесть о настоящем сверхчеловеке» В. Пелевина → «*Loxness*. Роман с чудовищем. Реальный антигламур» Е. Токаревой. Опираясь на это множество, можно предсказать появление чего-

нибудь вроде «Повести о ненастоящем сверхчеловеке», «Ненастоящего романа о человеке», «Настоящей повести о чудовище», «Нереального гламура» и т. д. Разумеется, это очень простое предположение, тем не менее, оно может быть проверено в будущем. Думаю, что подобным образом могут просчитываться и более сложные сценарии возможных инноваций в экономике, политике и других сферах социальной жизни.

Метафору и метонимию можно описать как механизмы замены знака, существующего в определенном контексте, на знак, взятый из другого контекста. Это имеет непосредственное отношение к пониманию смысла речевого акта как практического обобщения множества его прецедентов. Множество образцов в данном случае — это высказывания со сходными значениями, актуальные для данной культуры в целом или, если речь идет об индивидах, эмоционально значимые для конкретного человека. Поскольку подобное множество не может быть бесконечно, образцы речевых актов в нем постепенно замещаются другими, заимствованными из похожих контекстов.

Переходя от рассмотрения речевых актов к человеческим *действиям вообще*, можно предположить, что и здесь работают механизмы переноса значений. Действие — это знак его смысла, извлекаемого из множества образцов на основе того, что можно назвать *практической метафорой* и *практической метонимией*. Если такой практический перенос значений имеет место, то соответствующие языковые процессы — это его проявления в речевых актах. В той же мере, в какой речевые акты являются разновидностью действий вообще.

Практическая метафора имеет место, когда наши партнеры или объекты, с которыми мы соприкасаемся в какой-либо сфере, воспринимаются на основе опыта обращения с другими людьми и вещами. Например, когда опыт взаимодействия с противником на войне переносится на ситуацию взаимодействия с оппонентом в споре, конкурентом в бизнесе или соперником в любви. Соответственно, возможны практические переносы и на основе смежности. Так, Д. Трунов приводит ряд примеров метонимии в магических действиях: *«контактная магия* — магическая сила передается через соприкосновение с ее источником; *инициальная магия* — выполнение начала действия магически побуждает к исполнению всего действия; *парциальная магия* — воздействие магической силой на часть объекта заменяет воздействие на весь объект; *апотропеическая магия* — избегание мест, где происходили неблагоприятные события; *катартическая магия* — омовение или окропление поверхности тела приводит к очищению всего тела» [15]. Интересны также приводимые им примеры метонимии в социальных отношениях: «Здесь в одном ряду стоят такие социальные феномены, как передача власти по родству, институт кровной мести, преследование родственников “врагов народа”,

негативный “ореол” вокруг человека, который просто приветливо общался с моим врагом; сюда же мы поместим такие клинические феномены, как проявления фетишизма и фобии» [15].

Магия, основанная на метонимии, сыграла существенную роль в становлении политических институтов средневековой Европы. М. Ямпольский показывает, что легитимация власти постепенно эволюционирует: если вначале властью символически наделяется само тело монарха как обладающее особой силой, то затем уже — его статус. Это, в свою очередь, подготовило переход к демократическим институтам репрезентации власти [18]. Практическая магия действия в этих процессах все больше уступала место мышлению и представлению, однако исходный метонимический механизм, как мне кажется, сохранился. Наиболее очевиден он в примерах, относящихся к раннему Средневековью. Так, при оформлении продажи земли пергамент, перо и чернила помещались на продаваемую землю, и считалось, что они пропитываются земными силами. Поэтому подписанный акт был не просто юридическим документом, но и магическим предметом, что гарантировало его действительность. Считалось, что раны убитого могут открыться при приближении убийцы, указав тем самым на него. Обвиняемого могли испытывать, заставив его держать в руке раскаленный железный прут, и судили о его виновности по состоянию ран через несколько дней. Это называлось Божьим судом, или ордалиями, логике которых подчинялось и тело монарха. Он должен был уметь войти в клетку с голодными львами, или излечить больных наложением руки, или нести на своем теле особые знаки. Такими знаками могли быть родинки в виде креста или лилии, особое родимое пятно, покрытое щетиной, или шрамы, полученные в битвах. Вплоть до XVII века король являлся живым воплощением мощи и обязательно сам возглавлял армию в походах. Также лично он проходил сквозь «тело» народа во время вступления в город, изливая свою магическую силу и гарантируя тем самым установление порядка и гармонии. Во всех этих случаях символизм власти основан на непосредственной пространственной смежности.

Так же как в языке и мышлении, перенос значений в практическом действии первичен по отношению к тому, что мы считаем правилами поведения. Дискуссия вокруг идей Л. Витгенштейна и С. Крипке по поводу применения правил демонстрирует, что формулировка правил и их применение не соотносятся однозначно. Исследования Г. Гарфинкеля убеждают, что на практике не бывает исчерпывающих инструкций [5, с. 28–35]. А П. Бурдые доказывает, что логика практического смысла и логика последующих объяснений различны, так как невозможно мыслить теоретически, действуя практически [2, с. 128–218]. Таким образом, мы узнаем предметы, людей, их действия на основании своего телесного опыта и действуем, ориентируясь на практический

смысл. А потом создаем, дополняем и предъявляем инструкции, объясняя себе или другим имевшие место действия.

Практические метафора и метонимия работают не только в отношении отдельных предметов, людей или действий, но и в отношении *ситуаций* взаимодействия. Ситуация может узнаваться либо целиком, либо как совокупность отдельных элементов (характеристик, аспектов, действий). В первом случае, в терминах Ю.М. Лотмана, идет речь о *континуальном* восприятии, во втором — о *дискретном*. Эти два типа восприятия всегда *дополняют* друг друга: дискретный механизм объединяет ситуации в смысловые последовательности, а континуальный лежит в основе распознавания отдельных элементов. В результате всякая ситуация может быть рассмотрена как элемент более общей ситуации. Когда мы ориентируемся на ситуацию в целом и понимаем ее как похожую на другую, мы действуем и мыслим метафорически. Когда мы узнаем последовательность ситуаций и продолжаем ее, мы действуем и мыслим метонимически.

Ситуации, которые могут метафорически уподобляться друг другу, входят в одно множество образцов. Это множество случаев восприятия, переживания, действия, запечатленных в памяти тела и имеющих сходную структуру опыта. Множество образцов можно понять как практическую категорию, внутреннее семантическое пространство которой неоднородно. В нем различаются центр и периферия. Наиболее значимые образцы устойчиво находятся в центре, являются прототипами категории, а другие ненадолго включаются в нее в момент метафорического переноса, после чего выбывают. Если совершаемое действие или ситуация, в которой оно происходит, эмоционально значимы, они занимают место среди прототипов, смещая тем самым восприятие категории и вытесняя менее значимые образцы.

Ситуация — это совокупность элементов, каждый из которых несет в себе следы его образования. Например, множество образцов — это ряд статей на данную тему, а элементы — это идеи, которые встречаются в статьях. Образцы могут быть схожи в силу подобия части их элементов и различаться — в силу несходства других элементов. Если из одного образца часть элементов отбрасываются и присоединяются элементы другого образца, формируется нечто новое, что само может стать образцом.

Метонимически мы распознаем ситуацию: если пришли гости, их нужно угостить; если наступили новогодние праздники, нужно сходить с детьми на ёлку; если начались каникулы — съездить на природу. А затем метафорически заменяем один из элементов на другой: предлагаем гостям чай вместо кофе, идем в цирк вместо театра, на охоту вместо рыбалки и т. п. Ситуацию можно описать как набор факторов. Если изменяется хотя бы один из них, изменяется общее значение ситуации. Но ситуация остается метафорически подобной

прежней, входит в одно с ней множество образцов. Если какие-то факторы уже соседствовали в прошлых ситуациях, то они, встретившись вновь, метонимически будут притягивать другие элементы этих ситуаций, включая действия, имевшие в них место.

Практическую метонимию, таким образом, можно понять как повторение действий, связанных в чем-то личном опыте (или опыте культуры в целом) с похожими обстоятельствами. Если повторяется место, время, погода, имя партнера, категория ситуации, человек действует приблизительно так, как действовал он сам или кто-то известный ему в этих обстоятельствах раньше. Приведу пример того, как работает практическая метонимия при выборе текстов для чтения. Мы берем новую книгу, если она лежит на той же полке в магазине или библиотеке, где находятся заведомо интересные нам книги. Если нам попалось несколько интересных книг одного и того же издательства, мы обратим внимание на другие выпущенные им произведения. Если понравилась статья в журнале, посмотрим другие номера этого журнала. Если понравился автор, будем искать его новый текст. Если заинтересовала тема, поищем книги других авторов на ту же тему. Если пересеклись темы или авторы, которые раньше были интересны независимо друг от друга, прочтем такой текст обязательно.

Итак, суть *практической метонимии* заключается в том, что по части ситуации узнается другая ее часть или ситуация в целом, либо по ситуации в целом узнаются отдельные ее части. По отдельным элементам, характеристикам ситуации достраиваются другие — смежные в опыте наших тел. Суть *практической метафоры* в том, что вместо одного аспекта ситуации, действия, ситуации в целом подставляется другой ее аспект, другое действие, другая ситуация — схожие в опыте наших тел по форме или значению.

#### **Что значит «сознательное действие», или почему человек — не автомат**

Принципиальным для всякой теории действия является вопрос о роли сознания и, соответственно, что такое сознание. Образцом современных научных исследований сознания для меня являются работы В.М. Аллахвердова и других представителей *психологии* — нового направления в психологии и когнитивной науке в целом. Приведу некоторые из постулатов психологии, сформулированных В.М. Аллахвердовым. Сознание не является «высшей формой отражения» или «интегратором психических процессов». Не является оно и орудием адаптации, поскольку можно экспериментально показать, что его активность неадаптивна. Нельзя всерьез считать, что сознание помогает мозгу бороться с информационными перегрузками или регулировать деятельность. Бессознательно мозг отражает, хранит, перерабатывает бесконечно большие объемы информации, чем те, что

поступают в сознание, а также реагирует на любые стимулы и приспособляется к любой ситуации намного быстрее и точнее, чем сознание [17, с. 13–17].

Свою попытку понять загадку сознания психологика связывает с позицией радикального когнитивизма. Суть этой позиции в том, что «цель организмов, обладающих сознанием, — не выживание, а познание» [17, с. 18]. Точнее, наиболее адекватным описанием работы сознания оказывается то, которое исходит из предпосылки, что познание — это основная функция сознания. С этой точки зрения любые составляющие психики рассматриваются либо как инструменты, либо как результаты познания.

Одна из главных идей заключается в том, чтобы *различать сознание и осознание*, поскольку далеко не все в работе сознания осознается. Познавая мир, сознание не столько отражает реальность, сколько проверяет гипотезы о том, что она из себя представляет. При этом осознанно человек никаких гипотез не конструирует. Все конструкты порождаются автоматически, неосознанно. Предположительно *существует механизм, который принимает решение о том, чтобы какие-то из порожденных конструктов осознать (сделать позитивный выбор), а какие-то — не осознавать (сделать негативный выбор)*. Сама работа механизма принятия решения об осознании *не осознается*. Интересно здесь то, что решение о неосознании — это тоже выбор, хоть и негативный. Так, если мы что-то не можем вспомнить, то лишь потому, что неосознанно приняли решение это не вспоминать. Негативно выбранные значения не нейтральны для сознания, они активно им отвергаются, а не просто остаются в стороне от него. Можно экспериментально показать, что негативный выбор реально существует и влияет на характеристики человеческой деятельности.

Например, в эксперименте М.Г. Филипповой испытуемые решали ряд когнитивных задач, таких как разгадывание анаграмм, опознание медленно проявляющихся слов и рисунков, распознавание рисунков по фрагментам. В соответствии с так называемой методикой прайминга, испытуемым непосредственно перед решением задач предъявлялись контекстуально связанные с ними стимулы (праймы). Обычно праймы изменяют реакцию человека на предъявление последующих стимулов (в данном случае — задач), причем этот эффект имеет место независимо от того, осознаются праймы или нет. В описываемом эксперименте в качестве праймов выступали многозначные изображения, такие как дерево/лицо, саксофонист/женщина, утка/кролик, а также незавершенные рисунки, однозначные изображения и бессмысленные наборы пятен. Стимулы предъявлялись на экране компьютера, разделенном пополам. Сначала в левой половине экрана предъявлялось изображение-прайм и испытуемому предлагалось определить, что он видит, а затем в правой половине экрана он решал

одну из когнитивных задач. При этом он в любой момент мог вернуться к заданию в левой половине экрана и исправить ранее введенный ответ. В ходе эксперимента измерялась скорость решения когнитивных задач и ее зависимость от наличия смысловой связи между задачами и праймами. Было установлено, что предъявление бессмысленных праймов или однозначных изображений, не связанных с контекстом задач, не влияло на скорость решения. Предъявление однозначных изображений, связанных с контекстом, ускоряло решение задач. Это можно объяснить тем, что оно служило своеобразной подсказкой. Аналогично способствовало скорости решения и осознание связанного с контекстом значения многозначных изображений. А вот *неосознаваемые значения праймов в случае их связи с контекстом задачи замедляли время ее решения*. То есть наличие негативно выбранных значений препятствовало более эффективному выполнению осознаваемой деятельности, предположительно за счет того, что вызывало внутреннее напряжение. Все выглядит так, как если бы механизмы сознания активно тратили энергию и время на то, чтобы негативно выбранные значения не были осознаны [17, с. 165–186].

Для меня подобные эксперименты интересны в основном тем, что доказывают существование неосознаваемых механизмов работы сознания, переводя чисто философские дискуссии в эмпирическую плоскость. Однако наличие таких автоматических механизмов не лишает человека свободы. Реально *свобода проявляется в том, что сознание может проверять выбранные конструкты, отказываться от ошибочных конструктов или исправлять их*. То есть сознание может быть не удовлетворено сделанным позитивным выбором, отказаться от любой ошибочной гипотезы и затребовать у бессознательных механизмов новую. Оно ограничено неосознаваемыми механизмами, так как пользуется результатами их работы, но свободно, так как может критиковать и отбрасывать неудовлетворительные результаты. Тем не менее, сознание не творит, оно лишь отбирает результаты творчества неосознаваемых механизмов.

С учетом высказанных выше идей роль сознания в действии можно описать следующим образом: *неосознаваемые механизмы практической метафоры и метонимии на основе имеющегося телесного опыта в каждой конкретной ситуации конструируют несколько вариантов ее смыслового определения, после чего осознается и реализуется в действии лишь один из них*. Возможно, это как раз тот смысл, образцы которого наиболее значимы на эмоциональном уровне и, как следствие, наиболее глубоко инкорпорированы. В ходе дальнейших действий этот смысл может быть осознан в качестве ошибочного и требующего исправления, тогда бессознательные механизмы выдают новые варианты смысла, и опять один из них осознается и реализуется, и т. д.

Многие социальные теории (например, символический интеракционизм в интерпретации Г. Блумера, а также философская феноменология и экзистенциализм) исходят из того, что человек свободен в принципе и поэтому может совершенно свободно конструировать свое поведение в любой момент. Однако это не совсем так. Человек может быть свободным в отдельные моменты, но чаще всего поступает автоматически, не задумываясь о своей свободе. Кроме того, он иногда *вынужден* поступать автоматически, если намерен в реальной ограниченной временем и средствами ситуации сделать *хоть что-то*. Человек — не бесплотный дух, его тело и механизмы сознания обладают инерцией. Именно об этом пишет П. Бурдьё, когда критикует философию действия Ж.-П. Сартра и игнорирование фактора времени структуралистами.

Свобода выбора конструкторов воспринимаемой ситуации и поведения в ней не означает, что эти конструкторы создаются осознанно и из ничего. Они создаются путем извлечения смысла из имеющихся в опыте человека образцов в результате работы неосознаваемых механизмов. Не значит свобода и того, что осознанное поведение всегда приведет к прогнозируемому социальному результату. Чаще всего «мы хотим как лучше, а получается как всегда». Однако свобода означает принципиальную возможность отбрасывать неприемлемые конструкторы и «запрашивать» у механизмов сознания новые. К сожалению, но иногда и к счастью, в практических ситуациях не всегда есть время на то, чтобы перебирать различные варианты. И тогда человек «отключает» свою свободу, выбирая первый предложенный привычный конструктор, который как-то разрешает ситуацию. У лентяев, трусов и пессимистов типичными являются одни конструкторы, у рискованных, смелых, оптимистов — другие. Тот, кто привык размышлять и задумываться над своей жизнью, обычно выбирает конструкторы, сильно отличающиеся от тех, что избирают люди, не любящие думать. Тот, кто постоянно решает творческие задачи, обычно отбрасывает стереотипные конструкторы, навязываемые массовой культурой, и т. п.

Большинство человеческих действий являются автоматическими в той мере, в какой совершаются по привычке и без осмысления их предпосылок и результатов. Свобода же заключается в том, что *человек может в принципе решить для себя, какая стратегия жизни ему больше импонирует*. Если человек способен вести себя сознательно и свободно в отдельные моменты своей жизни, эту способность, видимо, можно *тренировать*. Итогом таких тренировок может стать увеличение доли свободных действий. Знание того, как различные факторы влияют на наши позитивные и негативные выборы, можно практически использовать, чтобы как-то контролировать работу механизмов осознания.



### **Заключение**

Итак, что представляют собой действия и как они взаимосвязаны в рамках описываемой модели? Во-первых, действие имеет несколько различных смыслов и является знаком всех этих смыслов одновременно. Во-вторых, среди многих смыслов действия данная модель выделяет его особый, событийный смысл, который раскрывается как смысл конечного множества предшествующих действий. С этой точки зрения действие анализируется по преимуществу как знак смысла других действий, что и является основой их взаимосвязи. Знаки всегда в какой-то степени мотивированы смыслом, поэтому их изменение приводит к изменению смыслов, и наоборот. Смыслы преобразуются, комбинируются, перекомбинируются, соответственно, то же происходит и с действиями. А «машинами», которые осуществляют эту рекомбинацию, являются человеческие тела и человеческая психика.

Идея конечности опыта, то есть конечности множества прецедентов, из которых каждый раз в ходе действия извлекается смысл, важна для понимания того, как возможны социальные изменения. Если действия возникают не на пустом месте, но связаны по смыслу с другими действиями, изменения возможны лишь вследствие семантической девиации, т. е. как изменения значений вроде бы одних и тех же действий-знаков. Например, когда в очень похожих ситуациях люди действуют по-разному, или когда одни и те же действия имеют различные социальные результаты в виде ответных действий. Конечность множества прецедентов, на которое опирается действие, объясняет возможность семантической девиации. Если новые события входят во множество образцов, а количество образцов должно быть конечным, указанное множество будет постоянно обновляться. Следовательно, даже если извлечение смысла связано с повторяющимся (рекурсивным) применением одной или нескольких относительно простых операций, каждый смысл будет отличаться от предыдущего. При этом смыслы изменяются не непрерывно, а от события к событию.

Человек изначально располагает ограниченным множеством действий — тех, что имеют образцы в данной группе, культуре. А действует человек на основе еще более узкого множества образцов, соответствующего его личному опыту. Поэтому с наибольшей вероятностью он будет воспроизводить образцы поведения тех групп, в которые входит и на которые ориентируется. Тип поведения должен быть передан, а для этого нужно общаться и делать что-то вместе. Нужно «заразиться» каким-то способом действия. Новые варианты действия могут появляться лишь на основе преобразования смыслов уже существующих образцов. Вообще-то может возникнуть все что угодно, но перед этим должны возникнуть образцы, на основе которых оно появляется. Всегда должна прослеживаться смысловая связь между действиями, чаще всего — метафорическая или метонимическая.

Но эта связь далеко не всегда осознается действующими людьми, так как конструкты воспринимаемых ситуаций и поведения в них формируются в ходе работы неосознаваемых механизмов преобразования смысла. Тем не менее, свобода человека проявляется в том, что он может оценивать и, как следствие, принимать или отвергать эти конструкты.

В ситуации «лицом к лицу» взаимодействие формируется прежде всего на основании тех прецедентов, которые имеются в совместном опыте контактирующих. Совместность опыта в таких случаях может рассматриваться как основной критерий отбора образцов. Тот же механизм, по-видимому, работает при заочном взаимодействии хорошо знакомых людей. При этом совместный опыт — не значит идентичный. Даже если периодически контактирующие партнеры хорошо знают друг друга, опыт каждого постоянно обновляется во взаимодействии с третьими лицами. Поэтому время от времени партнеры действуют непредсказуемо. Например, слова, ранее воспринимавшиеся в качестве шутки, вдруг кажутся оскорблением. Или наоборот, ранее недопустимые действия в какой-то момент начинают восприниматься как нормальные.

Когда же взаимодействие анонимно, смысловые взаимосвязи формируются иначе. Примером могут служить производство товаров в рыночных условиях или работа средств массовой информации. Если некоторое событие стало известно и эмоционально значимо для достаточно большого числа людей, оно войдет во множество образцов их поведения. Каждое из таких множеств рано или поздно пересечется с другим множеством, в результате чего произойдет новое событие. При компьютерной симуляции этих смысловых взаимосвязей критерием значимости образцов может служить степень их отличия от собственных прецедентов. Например, чем более необыкновенным и шокирующим является событие на фоне ему подобных, тем больший резонанс оно получает в СМИ. В данном случае не важно, какой именно человек подхватит ту или иную идею либо повторит действие. Событийные смыслы живут своей собственной жизнью, используя человеческое общество в качестве среды обитания. Интенсивность возникновения новых смыслов, согласно описываемой модели, должна зависеть от плотности населения и развития средств коммуникации. Чем больше возможностей для взаимодействия, тем больше шансов заимствовать друг у друга и применять в новых контекстах образцы мышления и поведения.

В обществе параллельно протекают множество действий и связанных с ними смысловых процессов разного масштаба. События причудливо пересекаются и происходят одно на фоне другого, встраиваясь друг в друга наподобие матрешек. При этом каждое событие, взятое в отдельности, является целостным неделимым элементом социальной

реальности. Выпить чашку кофе, написать статью, съездить в отпуск на море — все это примеры элементарных событий. Субъективно переживаемая длительность отдельного события непрерывна. Но это не мешает тому, чтобы на фоне уже длящихся действий начинать делать что-то еще. При этом длительности, на фоне которых зарождаются новые, как бы раздвигаются, поскольку изменяется масштаб их восприятия. Событие, наблюдаемое в одном масштабе как элементарное, в другом масштабе вмещает в себя множество других.

Социальную реальность, таким образом, можно представить как систему взаимосвязанных событий. Каждое событие встроено в несколько смысловых цепочек, пересечением которых оно и является. Можно описать две основные разновидности таких смысловых взаимосвязей. С одной стороны, смысл всякого действия отсылает к смыслам подобных действий, инкорпорированных в теле и сознании действующего человека. Это либо его собственные действия, либо известные ему действия других людей. С другой стороны, смысл действия встраивается в синтагматические цепочки узнаваемых ситуаций, сценариев, сюжетов.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
2. Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы / Пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994.
4. Волков В.В. «Следование правилу» как социологическая проблема [online]. Дата обращения 20.03.2009. URL: <<http://www.nir.ru/sj/sj/34-volkov.htm>>.
5. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии / Пер. с англ. З. Замчук, Н. Макарова, Е. Трифонова. СПб.: Питер, 2007.
6. Гримен Х. Фinitский тезис: о социальных корнях и границах познания // Теория и методы в социальных науках: Учебно-методическое пособие / Под ред. С.У. Ларсена; Пер. с англ. А.В. Моткова; МГИМО(У) МИД России. М.: РОССПЭН, 2004.
7. Делез Ж. Логика смысла / Пер. с фр. Я.И. Свирского. М.: Раритет, 1998.
8. Деррида Ж. О грамматологии / Пер. с фр. и вступ. статья Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000.
9. Крипке С.А. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке // Логос. 1999. №1 (11).
10. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1990.
11. Луман Н. Решения в информационном обществе // Проблемы теоретической социологии. Вып. 3 / Отв. ред. А.О. Бороноев. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2000.

12. Луман Н. Социальные системы: очерк общей теории / Пер. с нем. И.Д. Газиева; Под ред. Н.А. Головина.. СПб.: Наука, 2007.
13. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. М.: Прогресс, 1994.
14. Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М.: Контакт – Альфа, 1995.
15. Трунов Д. Метонимическое мышление // Антропологические основания теоретического мышления: Материалы научной конференции (16–17 ноября 2004). Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2005.
16. Философские идеи Людвига Витгенштейна / Отв. ред. М.С. Козлова. М.: ИФ РАН, 1996.
17. Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательного и бессознательного / В.М. Аллахвердов и др. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006.
18. Ямпольский М. Физиология символического. Кн. 1. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
19. Gleik J. Chaos. Making a new science. New York: Penguin Books, 1987.
20. Kush M. Rule-scepticism and the sociology of scientific knowledge: The Bloor-Lynch debate revisited // Social Studies of Science. August, 2004. No. 34/4.

This document was created with Win2PDF available at <http://www.win2pdf.com>.  
The unregistered version of Win2PDF is for evaluation or non-commercial use only.  
This page will not be added after purchasing Win2PDF.